

мость» имело также мало смысла, как теперь имеет слово «свобода». Свет познания приносит с собой стыд пред райской наготой и боязнь земной смерти. Все это невозможно объяснить людям. Всякое объяснение, всякая ясность и отчетливость в духе Декарта способствует появлению того, от чего надо освободиться и против чего надо бороться. Наш разум срывает покров со всех тайн, он нам только не показывает пропасти под нашими ногами (118–121).

Книжка Шестова богата напряжением значительного содержания и держит в таком же напряжении читателя, начиная с необыкновенного эпиграфа и кончая удивительным переплетением загадочных откровений философии Шестова с интимной мелодией Паскаля.

П. ГАЙДАМОВИЧ <Л. М. ДОБРОНРАВОВ>

Письмо из Москвы. Маленький фельетон

«Знаменитые в своем роде писатели Аросев и Коган протестовали против того, что на Международном Конгрессе писателей в Париже русскую литературу представляли Бунин, Куприн и Шестов...»¹

«Дорогие товарищи, и пишу вам письмо, как есть мы литераторы, которые солидарные и очень даже хорошо понимаем, куда антанта заворачивает со своей окровавленной мордой и через это многие белогвардейцы очень даже нахальные.

Мы, всякие литераторы и ученые и которые даже с рабфаков ничем не можем терпеть такие фигли-мигли, как есть тут интрига и опять же международный капитал.

А мы находимся в полном расцвете и можем сами нос утереть, кому надо, а не то, что за нашу могучую литературу представлялись Бунин, Куприн или, скажем, Шестов. Этого зловредного Шестова я знаю! Он пишет — хоть мозги выкрутить — не понять. Но только нас не проведешь, потому мы сами кумекаем, которое клонящее к благу и которое не клонящее.

Скажем так: кто такой Бунин? Помещик. А Куприн? Офицер. Обои, стало быть, как есть чисто белогвардейцы и индифферентные до протарелиата и очень даже зловредные и мы это позволить никак не можем. Мало у нас что ли разных писателей? За себя я не говорю. Я не как Ванька Зудилин. Написал две поэмы и девчонок с толку сбивать, будто конструктивная его поэзия. А скажу за нашего Демьяна Бедного². Вот бы ему в Париж, да басню бы там за Европу! Матом бы

ее, сволочь! Иль примером будучи сказать, Пантейлемон Кувалдин. Вот это поет! Не чета теим парижским! У его все так ладно да складно, как в соннике.

Вчера же товарищ Стеклов в «Известиях» писал: нам на всех наплевать, потому мы сами живительные силы из земли, которые вышедши³. Всему миру, говорит, покажем, как есть расцвет у нас рабоче-крестьянской власти. И запалим факел!

А вы, товарищи, правильно в Париже ахаете! Чего стесняться! Скажем, товарищ Коган, всей науки как есть чисто произошел и до протарелиата очень даже приверженный, даже до невозможности, иль товарищ Аросев. Что он хуже какого-нибудь Чехова? Тоже, подумаешь!

Эх, жалко. Чеки у вас там нету, а то сейчас товарищ Дзержинский морганул бы только, показал бы, как белогвардейщину разводить!

Как теперь наша страна новая, вроде как форпост, дорогой союз федеративных республик, которые для трудящихся и, скажем прямо всякие в ей науки или искусства, то ли тебе опера, то ли тебе киношка — куда ни глянешь — расцвет первый сорт.

И нам обидно, ежели иностранцы думают, будто у нас нет наших самородных литераторов и вообще на все руки.

Не поддавайтесь там, дорогие товарищи. За вами все, которые трудящиеся массы и все, которые литературу нашу могучую — насквозь, как пять своих пальцев, от доски до доски. Скажем товарища, там, Луначарского иль товарища Безимьянского или Гришку Безпрозванного⁴, вот который в парикмахерах был при ненавистном царском режиме, а теперь шпарит откуда что берется! Он тебе и драму, он тебе и частушку, он тебе и диссертацию, все, что хочешь. Здоров писать! Ему бы в Париже себя показать! Чисто работает, будто бреет. Намедни читал нам новую балладу: «Старая стерва Европа и ейные капиталисты». Смеху-то, смеху-то было — чуть не лопнули! Здорово завинчено! А за Бунина и за Куприна мы еще поспорим!

Что там товарищ Красин мухлявит?⁵ Взял бы и ахнул ноту за интервенцию! Пусть знают советскую власть, которая коллективная и вообще могучая.

Белогвардейской шантрапе передайте, что мы, то есть русские литераторы до ее без всякого внимания, как до гидры, и нечего ей Ваньку ломать. Нонче другое время. Нонче, которые угнетенные сами себе цари. Пусть выкусят. Небось, не понравится.

А я между прочим повестуху отжарил. Одной бумаги полфунта весу. Это тебе не Бунин. А меня не зовут на ихние паршивые конгрессы. Подумаешь, тоже великая важность! Захотим — свой завернем, все честь честью, с единодушной резолюцией! Эка, невидаль! Конгресс! У нас в Москве даже которые черномордые арапы, с кольцом в ноздре, за наш протарелиат. А кто против нас, покажем мы кузькину мать»!..

Списал: П. Гайдамович